

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ АРМЕНИИ В ОЦЕНКЕ ЛЕВАЙАНА ДЕ ФЛОРИВАЛЯ

Э. Р. ГУКАСЯН

Поль-Эмиль Левайан де Флориваль (1800-1862) - один из основателей Парижского Азиатского общества, кавалер ордена Почетного Легиона, профессор, преподаватель армянского языка в специальной Королевской школе живых восточных языков в Париже, член Венецианской конгрегации мхитаристов - принадлежит к племени французских ученых, осветивших своими исследованиями исторический путь и древнюю культуру Армении.

В эпоху расширения политических и торгово-экономических связей растущий интерес к Востоку, в том числе и к Армении, ее историческому и культурному наследию, приводит к появлению во Франции целого созвездия арменоведов, посвятивших себя изучению духовных сокровищ нации. Некоторые из них успешно сочетали научную работу, творческий поиск исследователей с педагогической деятельностью в Парижской школе живых восточных языков. Питомцем этой школы, где в 1802 г. открылось отделение армянского языка, подобно Сен-Мартену¹ и другим известным арменоведам, был и Флориваль, который затем, после отъезда своего учителя Акопа Джрпетяна в Тифлис, заменил его в должности преподавателя армянского языка (грамматика, чтение, письмо, разговорная речь, разъяснение трудов армянских авторов). Долгие годы, до самой смерти, Флориваль бессменно возглавлял в Школе армянскую кафедру.

В начале 30-х гг. в научных журналах появляются статьи молодого ученого по различным вопросам, связанным с Арменией, ее древней историей и культурой, изучение и преподавание которых стало делом его жизни.

Мечтая о путешествии в Армению, в 1834 г. Флориваль берет отпуск, но ему удается побывать лишь на о. св. Лазаря, у мхитаристов, где он совершенствует свои знания армянского языка и истории. Впервые Флориваль посетил о. св. Лазаря в 1828 г., не раз впоследствии туда возвращался и с восхищением писал об армянском монастыре среди лагун, знаменитом ученостью своих членов и типографией, — монастыре, где лорд Байрон во время своего пребывания в Венеции любил “в мирной обители добродетели отдыхать душой, уставшей от мучительных страстей, побеждая трудности древнеармянского языка”².

Деятельность мхитаристской научно-религиозной конгрегации и ее основателя Мхитара Себасти (1676-1749) отражена в очерке, посвященном тогдашнему главе мхитаристов, святейшему доктору, архиепископу Сукиасу Сомальяну (1841 г.). В биографической заметке о Себасти автор повествует о тернистом жизненном пути этого подвижника, нареченного Мхитаром при вступлении в монастырь. Несмотря на невзгоды и испытания, он основал венецианскую конгрегацию с целью возрождения национальной культуры и просветительства, тем самым сыграв как бы предназначенную

¹ Антуан-Жан Сен-Мартен (1791-1832) - крупный ученый-арменовед, глава востоковедов 20-х гг. XIX в., автор знаменитого труда “Исторические и географические заметки об Армении”.

² М.-З. Ходженц. Роза и Соловей, восточная аллегория. Перевод Л. Флориваля. Предисловие. Париж, 1833 (на фр. яз.).

³ Мхитар в переводе с армянского означает утешитель.

ему судьбой роль “утешителя” нации¹. Затем Флориваль рассказывает о нелегкой истории конгрегации и дальнейшем превращении ее в своего рода “академию” (без утраты монастырского статуса). Этот “титул” был вполне заслужен, поскольку конгрегации принадлежит исключительная роль в деле издания множества воистину академических трудов, восстановления забытых классических традиций армянской литературы, их дальнейшего развития, как и пропаганды достижений европейской литературной мысли. Ученые отцы-мхитаристы самоотверженно трудились над сбором, реставрацией и изданием бесценных рукописных сокровищ минувших веков, над созданием исторических, религиозно-дидактических и философских трактатов, грамматик и словарей, переводом научных трудов и литературных шедевров других народов. Многие издания мхитаристов стали значительным вкладом в мировую культуру. Среди них Флориваль упоминает и труды Филона, а также знаменитую “Хронику” Евсевия Кесарийского, ставшую достоянием научной общественности благодаря армянскому переводу V в., так как греческий оригинал был утерян².

Однако деятельность конгрегации не ограничивалась научно-издательской сферой. Мхитаристы самоотверженно выполняли и образовательно-просветительскую, педагогическую миссию. В разных городах Европы под их эгидой открывались бесплатные училища для юных армян, которые затем возвращались на родину распространять полученные знания. При самом монастыре на о. св. Лазаря также действовало училище, и Флориваль подробно описывает его структуру, насыщенную учебную программу, включавшую изучение латыни, греческого, французского. восточных языков, точных наук, риторики, богословия, философии и др. Восхищаясь подвижническим трудом и миссионерской деятельностью конгрегации, ученый приводит и восторженные отзывы высочайших европейских особ об этом центре просвещения. С чувством особой признательности он пишет о возлагаемых на него конгрегацией надеждах и чести приобщиться к ее работам в деле перевода трудов средневековых армянских авторов. Переводы эти занимают значительное место в творческой деятельности Флориваля. Более того, отметим сразу же, что, наряду с преподаванием и всемерной популяризацией армянского языка и культуры, переводы стали основным направлением его деятельности. Главный же среди них - это известный перевод “Истории Армении” Мовсеса Хоренаци, которой ученый заинтересовался еще в начале 30-х годов. В 1836 г. в Париже издается его первый перевод “Истории”, неполный и несовершенный, который был затем изъят им из продажи. Перевод, осуществленный Флоривалем под эгидой отцов-мхитаристов, был издан в 1841 г. в Венеции вместе с армянским оригиналом при содействии вардапета Габриэла Айвазовского³.

Флориваль посвятил свой труд российскому императору Николаю I и был награжден им золотой медалью. Следует отметить, что это был один из самых первых переводов Хоренаци. Сам ученый сознавал, что, несмотря на все старания и многократные сверки, перевод не может не содержать ошибок, - почти неизбежных, вытекающих из неясности некоторых пассажей, которые можно по-разному интерпретировать. Кроме того, французский язык по своему духу с трудом согласуется с компактными и сжатыми формами армянского. Отсюда некоторые длинноты и несовершенство в передаче сложной мысли, представленной в армянском одним сложным словом. В целом же этот первый французский перевод “Истории Армении” Мовсеса Хоренаци был явлением важным и знаменательным, тем более, что осуществленный братьями Уинстонами более чем за 100 лет до этого перевод был неполным, к тому же - на “мертвый” латинский язык.

¹ Книга была издана в Венеции в 1818 г. Наряду с армянским текстом даны латинский и греческий переводы.

² Айвазовский Габриэл Константинович - армянский историк, педагог, брат знаменитого художника И. К. Айвазовского. Был членом Венецианской конгрегации, основателем журнала “Базмавеп”. Автор трудов по истории, армянскому языку, богословских сочинений, многих переводов, в том числе и итальянского перевода “Историй” Хоренаци и Агафангела.

Труд Флориваля предваряет введение, в котором дана высочайшая оценка Хоренаци и отражены воззрения ученого по многим вопросам, касающимся армянской истории, многовековой литературы и языка. И вряд ли случайно, что рассмотрение исторического труда Хоренаци Флориваль начинает с обращения к армянскому языку, на первый взгляд, казалось бы, не имеющему непосредственного отношения к историческому процессу. Но именно превращение армянского языка в письменный в связи с изобретением алфавита послужило мощным стимулом для бурного развития многих областей национальной культуры, особенно историографии, ставшей исключительным явлением не только армянской, но и всей культуры древнего мира и средневековья.

Армянский язык, для восхищения которым, по словам Флориваля, нужно лишь его знать, предстает в его оценке как язык-основа, язык, не имевший себе равных в древности, язык коренной, содержащий много слов, от которых произошли латинские слова с тем же значением. На конкретных примерах подчеркивается важность изучения армянского не только для лингвистики и исторической филологии, но и для разрешения серьезных исторических вопросов. Так, благодаря армянскому можно было легко избежать многих исследований, толкующих отрывок из Саллюстия⁶ о происхождении мавров и самого их этнонима от мидийцев, поскольку в армянском языке мидиец называется "маром", а от "мара" до "мавра" - один шаг. То же относится и к вопросу о происхождении бретонцев и кельтов, вокруг которого было немало дискуссий, хотя армянский дает ключ к разрешению этих споров и заслуживает внимания всех, кто занимается историческими исследованиями.

Флориваль с благоговением относился к армянскому языку, который был для него более всех других языков достойным изучения и всеобщего интереса. Ученый считает, что "армянский соперничал бы с греческим, если бы, подобно ему, мог представить нашему восхищенному взору множество знаменитых писателей, или же до нас дошли бы труды всех писавших на нем авторов"⁷. У Флориваля не вызывает сомнений, что ведущий свое происхождение от Ноя народ имел памятники, написанные задолго до известных нам сочинений, то есть до IV-V вв. н. э. - эпохи Хоренаци. Истоки армянской литературы лежат в глубине тысячелетий и, хотя большая ее часть на протяжении разных эпох была утрачена или уничтожена в силу многих причин, ученый правомерно судит о ее богатстве и древности по тому, что от нее осталось к V в., "золотому" ее веку.

Исчезновение рукописного наследия древнейшей армянской литературы, как и редкость литературных памятников последующих веков, объясняется уничтожением древних архивов ассирийским царем Нином (по Хоренаци), а также бесконечной вереницей обрушившихся на Армению бедствий и опустошительных нашествий. Кроме того, само принятие христианства Арменией, будучи исторически прогрессивным событием, вместе с тем оказало и определенно неблагоприятное влияние на преемственность культурных традиций, идущих из вековых глубин. Оборвалась естественная связь времен с их характерными ценностями культуры. Поэтому Флориваль прав, считая, что безвозвратной утрате и уничтожению письменных свидетельств минувших эпох немало способствовало и чрезмерное христианское рвение, направленное против памяти о временах язычества.

С точки зрения ученого, убедительным доводом, свидетельствующим о существовании в Армении литературы задолго до первых образцов, которыми мы располагаем, является само их совершенство. И с этим трудно не согласиться. Действительно, литература народа не рождается великой и возвышенной. Обычно ее первые

⁶ Саллюстий Гай (I в. до н.э.) - римский историк, автор "Историй", писем к Цезарю о реформе государства, "Заговора Катилины".

⁷ Moïse de Khoren, Histoire de l'Arménie. Introduction. Venise, 1841 (здесь и далее цитаты приводятся в переводе автора статьи).

образцы - это бесформенные опыты, а не шедевры. Конечно, бурное развитие армянской литературы связано с изобретением Месропа Маштоца в V в., когда она, вместо сирийских, греческих, персидских письмен, смогла выразиться через свой национальный алфавит. Но существование армянской литературы задолго до новой эры для Флориваля несомненно, как и то, что богатая, изобилующая величественными образцами духовного жанра армянская литература располагает серьезными историческими трудами. Ученый отмечает исключительную ценность памятников армянской историографии для арменоведения и ориенталистики в целом, так как в них отражена история как Армении, так и многих сопредельных стран. Говоря словами Флориваля, армянские источники следует изучать, "чтобы пополнить, уточнить и исправить имеющиеся у нас сведения об ассирийцах, мидийцах, персах, греках и римлянах"⁸.

"История Армении" Мовсеса Хоренаци в ряду других исторических трудов предстает в оценке Флориваля как труд основополагающий, на который опирались, по собственному их признанию, все армянские историки. Ученый отдает дань восхищения патриарху армянской истории, единственному, кто донес до наших времен ценнейшие сведения о древнейшей армянской цивилизации, начиная с ее истоков вплоть до современного ему V века, а также об исторических анналах других стран во всем многообразии их связей с Арменией.

Приступая к конкретному рассмотрению самой "Истории", Флориваль естественно затрагивает вопрос об источниках Хоренаци. Заметим сразу же, что на том этапе развития исторической науки, европейского арменоведения и освоения труда Хоренаци неправомерно было бы ожидать от Флориваля углубленного, детального анализа текста "Истории" с постановкой всех тех вопросов, которые в дальнейшем попытаются решить (с тем или иным успехом) исследователи разных поколений. Тем не менее Флориваль не обходит молчанием этот важный вопрос об использованных историком источниках. Выражая сожаление об утрате многих из них, он несколько не сомневается в правдивости рассказа Хоренаци о сирийском ученом Мар Абасе Катине, ниневийских (ассирийских) архивах и обнаруженной там древнейшей истории Армении. Если труды многих авторов, которых упоминает историк, не дошли до нас, это не означает, как справедливо замечает ученый, что они относятся к области фантазии. Напротив, правдивость и достоверность излагаемых в "Истории" сведений для него бесспорна. Напыщенные восхваления автора в адрес Саака Багратуни, по просьбе которого и была написана история, на взгляд Флориваля, не более чем неизбежная дань времени. Он подчеркивает, что далекий от подражания языку лести, Хоренаци, как поборник правды, никогда не искажает ее ради сохранения величия века или в угоду сильным мира сего. Образ историка, смелого и прямодушного, предстает здесь во всей своей гордой простоте и достоинстве. Не желая добиваться благосклонности лестью, развращающей народ и царей, Хоренаци обвиняет их в безразличии к знаниям. И эти суровые упреки, опровергнутые впоследствии появлением множества прекрасных писателей, сами по себе, как пишет Флориваль, уже служат гарантией искренности и правдивости хвалы, которую историк воздает затем добродетелям армян. А то, что автор труда порой допускает хронологические неточности или не всегда следует строго методичному порядку изложения, прерывая нить повествования, чтобы возобновить и завершить ее в другом месте, свидетельствует лишь о стремлении старого человека, осознающего быстротечность жизни, по мере возможности разгрузить свою память.

Обвинения Хоренаци в легковерии, фантастичности и сказочности приводимых им данных Флориваль решительно отвергает как необоснованные, поскольку "все, что кажется невероятным, историк передает в форме сомнения и сохраняет подобающие истории (в его понимании) достоверность и достоинство". В качестве доказа-

⁸ Moïse de Khoren, Histoire de l'Arménie. Introduction. Venise, 1841.

тельства Флориваль приводит примеры вполне правдоподобного, естественного изображения древних персонажей (царя Ниневии Нина, Семирамиды, мидийского царя Астиага и пр.), о которых другие историки - Геродот, Ксенофонт и прочие повествуют в сказочной манере. Даже Айтк, прародитель армян, в противовес обычному стремлению народов древности окружить свое появление божественным ореолом, желанию происходить от какого-либо бога, у Хоренаци представлен большим и сильным героем, но в нем нет ничего сверхъестественного, превосходящего возможностей сильного человека.

Заслугой Флориваля, несомненно, является и объективное осмысление, понимание огромной ценности идущих из глубины веков и тысячелетий народных преданий и легенд, которые Хоренаци заботливо пересказывает. Древние легенды и мифы, исторические сказания и эпические песни, на взгляд ученого, - это отражение самобытной национальной культуры, традиций, верований, духа народа. В них запечатлен его долгий исторический путь, живой образ его мыслей, чувств и чаяний, его прошлого. И следует лишь приветствовать возможность открыть неведомый дотоле мир, узнать сохраненные историком легенды и предания древнего народа, а значит, его душу и сердце.

Отражая упреки сторонников сугубо фактического и неоспоримого, которые, согласно представлениям своего времени, хотели бы видеть в истории лишь строгое соответствие естественному порядку вещей и достоверности (в ее современном понимании), Флориваль сравнивает их с призывом уничтожить сказания и легенды, столь заботливо хранимые французами: "Так пусть же (они) ... разорвут, если отважатся, наши средневековые рукописи, эти бесценные свидетельства чистосердечия, простодушия, наивных верований наших предков! Пусть уничтожат трогательные и благоговейные сказания и легенды, которые мы ... извлекаем из пыли забвения и возрождаем к новой жизни; пусть изорвут наши хроники, уничтожат нашу историю, свою собственную историю! И, если этого недостаточно, пусть станут новым народом, народом сегодняшним, ибо в однодневных анналах народа вчерашнего место для чудес уже найдется".

Объективность оценочных критериев Флориваля проявляется и в его подходе к вопросу о приписывании историками своим героям побед других исторических персонажей (например, Арам у Хоренци - Нин у Диодора Сицилийского; Арташес I у Хоренаци - Кир у Ксенофонта и др.). Это нередкое в исторических летописях явление для Флориваля естественно. Он обращает внимание ученых на то, что сведения Хоренаци о Нине, царе Ниневии, более правдоподобны, чем все, что сообщают о нем другие историки. Если Хоренаци относит к армянскому царю Араму подвиги, которые Диодор Сицилийский приписывает Нину, то, по мнению Флориваля, совокупность фактов вполне может это оправдать. Если же учесть, что некогда могущественная Армения, став ареной бесконечных войн и утратив свободу, была не в силах вернуть присвоенные ее победителями права на свое бывшее величие, то неудивительно стремление историка напомнить о лаврах прошлых побед национальных героев, противопоставив удручающему настоящему славную историю.

Известно, что история победителей тесно связана с историей побежденных, и Флориваль особо отмечает ценность сведений Хоренаци, касающихся истории многих древних народов (мидийцев, вавилонян, ассирийцев, персов, иудеев, египтян, греков, римлян и др.), сведений нередко уникальных, заполняющих пробелы в истории древнего мира. Разрушительному действию времени подвержено все, и сохранить, донести до нас сокрытые во мраке веков события и реалии может лишь история - самый надежный свидетель минувшего. Армения, подобно Греции, являет собой ярчайший пример недолговечности, непрочности человеческих дел. Прошли века, и от царей, князей, великих людей, от величественных городов и царских резиденций древней Армении, как и других великих государств древности, не осталось ничего

или почти ничего. "Не осталось бы даже воспоминания без Хоренаци", - пишет Флориваль, - но историк свидетельствует об их великолепии, благодаря чему еще можно найти их руины. С чувством грустного удовлетворения ученый отмечает, что армяне - как "некогда великий народ в числе других - ушли, канули в вечность", подобно другим народам древности. Но, не утратив своей самобытности, они сумели сохранить свою нацию и ..."сегодня, менее несчастные, чем потомки большинства их древних завоевателей, они еще живут в стране, где обитали их первые предки, зовутся их именем, говорят на их языке... И если история многих древних народов остается скрытой под покровом мертвых во тьме тысячелетий"⁹, то история армян, долгое время мало известная большинству из них, благодаря переводам "Истории Армении" Хоренаци, по убеждению Флориваля, становится доступной уже и для европейцев. Настоятельно и искренне звучит призыв ученого читать и перечитывать Хоренаци для знания основ армянской истории, внимательно вчитываться в каждую страницу его труда, составляющего гордость и славу древнеармянской литературы.

Обобщая все сказанное, Флориваль приходит к выводу, что автор "Истории Армении" является наилучшим из армянских историков, "отцом армянской истории", совершившим великий подвиг, оставив векам летопись легендарных времен и исторических судеб древней Армении. Однако значение Хоренаци не исчерпывается исключительной важностью для истории Армении: книга великого историка предстает в оценке ученого как ценный источник сведений о многих древних народах и странах, судьбы которых так или иначе пересекались с Арменией. Все это в совокупности и определяет ценность труда Хоренаци с точки зрения всемирной истории.

Знаменательно, что, хотя со времени начала работы Флориваля над переводом "Истории Армении" прошло 170 лет (и за этот период вокруг некоторых ее вопросов возникали различные дискуссии), его оценки Хоренаци в целом вполне созвучны оценкам современной исторической науки.

Через несколько лет Флориваль отдельно издает указанные в полном названии его перевода историко-географические комментарии к "Истории Армении"¹⁰. Издание было приурочено к открытию в Париже армянского училища Самуэля Мурада. Автор стремится очертить основные факты армянской истории, а также напомнить об особых родственных и дружеских связях между армянами и французами в эпоху средневековья и крестовых походов, когда они действовали сообща.

Наряду с историко-географическим очерком дается и обзор литературы Армении¹¹, которая восхищает Флориваля своей красотой и совершенством. Указывая имена и труды деятелей армянской культуры, непредвзятым взглядом он прослеживает основные вехи на пути литературы из века в век, вплоть до начала ее возрождения, в котором неопределимая роль принадлежала мхитаристам. Завершается обзор краткой заметкой с перечнем европейских арменистов разных эпох.

К числу переведенных Флоривалем монументальных трудов древнеармянских авторов, кроме "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци, относится и "Опровержение ересей" выдающегося деятеля армянской духовной культуры V в. Езника Кохбаци. Являясь отражением верований и знаний своей эпохи, труд армянского философа, по убеждению Флориваля, очень полезен и ценен для духовных лиц, ораторов, философов и ученых самых разных отраслей и направлений, которых несомненно восхитят его многочисленные достоинства. К их числу ученый относит разумные, строгие и соответствующие всем правилам логики суждения, красноречие и выразительность, интересные сведения о древних культах и религиях, многих вопросах физико-астрономических знаний на Востоке в ту эпоху. Кроме того, и "сегодня, в условиях

⁹ "История Армении" М. Хоренаци, пер. Флориваля. Венеция, 1841 г. (на фр. яз.).

¹⁰ Le Vaillant de Florival, Coup d'oeil sur l'Arménie ou Géographie sommaire, Précis de l'histoire d'Arménie. P., 1846.

¹¹ На основе труда Сукиаса Сомаяна "Quadro della letteratura armena".

прогресса естественных и математических наук, полезно знать даже ошибки прошлого, хотя бы для постижения и понимания путей развития человеческого разума”¹².

Несмотря на “высокое вдохновение автора, новые (для своего времени) и глубокие мысли, выраженные в таком же оригинальном, как они сами, и величественном стиле”, книга Езника представляла немалые сложности для перевода, поэтому долго оставалась неизвестной в Европе. Сам Флориваль признает, что внешне скромное звание переводчика часто труднее заслужить, чем авторское, если переводчик всерьез стремится полностью представить автора, неустанно борется с трудностями текста, не поддаваясь искушению легкого, свободного, но более далекого от оригинала перевода. Правоммерно сознавая вместе с тем, что рабское следование тексту Езника в переводе не может дать представления о его ясном, изящном и красноречивом слоге, Флориваль как бы оказывается между Сциллой и Харибдой. И хотя в первую очередь он стремится точнее передать мысли автора, систему его идей и рассуждений, это ему не всегда удается ввиду указанных трудностей и лаконичности текста.

Читая Хоренаци и Езника, чьи труды Флориваль считал блистательными образцами армянской исторической и философской мысли раннего средневековья, он лишний раз убеждается в справедливости слов ученого-арменоведа 18-го века Вильфруа о том, что Армения - это ключ к дверям Востока с его поразительными сокровищами древности, а армянские рукописи дают ученым исследователям исключительные знания и возможности для дальнейшего освещения истории этого просвещенного народа и его соседей.

Что касается самого Флориваля, обобщая в заключение все сказанное и характеризуя его деятельность, нельзя не отметить энтузиазм, увлеченность и преданность ученого своему делу. Избрав главным его направлением преподавание основ арменоведения и нелегкий труд по переводу и популяризации духовного наследия народа, Флориваль до конца остался верен своему выбору.

Է. Ռ. ՂՈՒԿԱՍԾԱՆ - Հայոց պատմության հարցերը Լևայան դը Ֆլորիվալի գնահատմամբ. - XIX դարի ֆրանսիացի հայագետ Լևայան դը Ֆլորիվալը մեծ ավանդ ունի Հայաստանի պատմական ուղիւն և հնադարյան մշակույթն ուսումնասիրելու և լուսաբանելու գործում: Բացի գիտամանկավարժական աշխատանքից, Ֆլորիվալի հայագիտական գործունեությունը ներառում է նաև հայ միջնադարյան հեղինակների երկերի թարգմանությունը: Դրանցից գլխավորի՝ Մովսես Խորենացու «Հայոց պատմության» թարգմանությունը ֆրանսերեն, երևելի և նշանակալի իրադարձություն էր: Գիտնականի գնահատմամբ Խորենացու «Պատմությունը» հիմն հայ գրականության փառքը կազմող բացառիկ նշանակությամբ երկ է, իսկ նրա հեղինակը՝ հայ պատմիչներից լավագույնը, մեծ սխրանք է գործել՝ սերունդներին թողնելով հնադարյան Հայաստանի քաղաքակրթության, պատմության, ինչպես նաև այլ երկրների պատմական անցքերի տարեգրությունը:

¹² Eznik de Kolb, Refutation des differentes sectes..., Introduction. P., 1853.